

Глава 45. Жизнь в окружном городе (5)

Уроки стрельбы из лука проходили на тренировочном поле за задним склоном.

Академия Цинпин располагалась на пологом холме, и то, что ученики гордо именовали «горой», на деле было лишь затяжным подъемом. Впереди красовались учебные корпуса, за ними тянулись столовая и общежития. По обе стороны дорожек, ведущих к тренировочной площадке и музыкальному павильону, плакучие ивы опускали в тишине свои длинные ветви.

Павильон для игры на цине, называемый «кабинетом», по сути был открытой беседкой. В погожие дни занятия по ритуалам и музыке переносили именно сюда: учитель в тени кровли перебирал струны, а ученики, расставив инструменты, рассаживались прямо под открытым небом. В зависимости от сезона их учили не только музыке, но и искусству чаепития, тонкостям поклонов, гуйбай и прочим сложным церемониям.

Для Гу Чжао, поступившего позже остальных, это был первый урок прикладных искусств. По расписанию первым часом шла стрельба, вторым — арифметика. Как только в колокольне пробил первый удар, ученики класса Пин Цзя лениво потянулись к полю, чтобы успеть подготовиться.

Академическое платье с его широкими летящими рукавами мало подходило для воинских забав. Чтобы ткань не мешала натягивать тетиву, полагалось использовать кожаные наручи — Гу Чжао затруднился бы дать им точное название, но суть была проста: полоски кожи стягивали широкие обшлага у запястий и крепились длинными шнурами. Отдельной формы для физических упражнений не полагалось — то ли средств не хватало, то ли сами ученые мужи династии Дали не жаловали стрельбу, считая её делом второстепенным. В Академии Цинпин на неё отводили всего пару часов в неделю.

Гу Чжао ловко стянул левый рукав, но когда дело дошло до правой руки, возникли сложности. Обмотав шнур дважды, он не нашел ничего лучше, как зажать один конец зубами, чтобы затянуть узел. Чжэн Хуэй, хоть и сам не отличался излишним изяществом манер, при виде этой картины даже поморщился.

— Брат Чжао, ну что же ты... Давай я помогу. Смотреть больно, как ты так небрежно с завязками управляешься.

— Да что нам, мужчинам, эти церемонии? — подмигнул Гу Чжао, но руку послушно протянул.
— Благодарю за подмогу, брат Чжэн.

Чжэн Хуэй со смехом в два счета управился с узлом. Заметив, что Янь Цзиньсинь тоже безуспешно сражается со своими шнурами, он предложил:

— Я еще свои не затянул. Давайте я вам обоим помогу, а потом кто-нибудь из вас подсобит мне.

— Пусть Янь-сюн поможет, — предложил Гу Чжао.

Янь Цзиньсинь молча кивнул в знак согласия.

Когда колокол пробил второй раз, мастер по стрельбе велел всем разойтись для разминки: пробежка, вращения в суставах — всё как полагается. Затем последовал показ: как правильно ухватить лук, как замереть, выцеливая мишень, как плавно выпустить стрелу. Учеников разбили на пять групп.

Лук был вещью дорогой. Даже самый простой экземпляр стоил не меньше восемнадцати лянов серебра, и за ним требовался неустанный уход: натирать тетиву канифолью, смазывать рукоять маслом. Вместе с колчаном стрел снаряжение тянуло на все двадцать пять лянов. Чтобы по-настоящему овладеть этим искусством, требовалась еще и лошадь для конной стрельбы и охоты, а это еще пятнадцать лянов за самую обычную рабочую клячу. О породистых скакунах, чья цена зависела лишь от прихоти знати, и говорить не стоило. Таким образом, стрельба из лука в нынешние времена оставалась забавой, которую мог себе позволить лишь класс землевладельцев.

В классе Пин-цзя нашлось лишь трое, кто уже занимался раньше — у них дома были и луки, и кони. Чжэн Хуэй оказался в их числе.

— Ого, не ожидал! — Гу Чжао в шутку толкнул товарища в плечо.

— Да брось ты, — тут же замахал руками Чжэн Хуэй. — Лошадь у нас самая обычная, товары возит. А лук еще дедовский, пылился на стене с тех пор, как дед занялся торговлей. Я в детстве его стащил поиграть, так отец мне все руки отбил.

У двух других учеников ситуация была схожей: дети помещиков. Настоящей аристократии в Академии Цинпин не водилось — вельможи предпочитали столичные школы или нанимали частных учителей на дом, не желая смешиваться с провинциальным людом.

Настало время практики. Гу Чжао, следуя наставлениям учителя, впервые попробовал натянуть тетиву. Рядом Чжэн Хуэй сразу застыл в безупречной стойке. Янь Цзиньсинь, хоть и обладал недюжинной силой, держал это оружие впервые и никак не мог найти верный баланс. Лишь когда наставник подошел и лично поправил их руки, дело пошло на лад.

Им выдали луки на три стоуна — сила натяжения была средней, ближе к нижней планке. Мальчишки в начале обучения тянули один стоун, крепкие мужчины — шесть, а девять стоунов были под силу лишь легендарным богатырям.

Урок длился около полутора часов, и к его завершению Гу Чжао чувствовал, что руки его превратились в плети.

— Такое чувство, будто я целый день жал пшеницу в поле, — пожаловался он, добравшись до своего места.

— Ты и жнецом бывал? — удивился Чжэн Хуэй.

— Я ведь деревенский, — как нечто само собой разумеющееся ответил Гу Чжао. — В страду в поле выходят все.

Янь Цзиньсинь пристально посмотрел на соседа. Почувствовав на себе «горящий» взгляд, Гу Чжао обернулся:

— Что-то не так, Янь-сюн?

— Ничего, — коротко бросил тот.

Юноша не стал допытываться и принялся растирать затекшие мышцы. Вторым часом шла математика, и здесь настал его звездный час. Гу Чжао, будучи в прошлой жизни технарем, чувствовал себя в этой стихии великолепно.

Как только учитель вышел, Чжэн Хуэй подлетел к его парте:

— Брат Чжао, ну ты и даешь! Как ты это считаешь? Я еще условие задачи до конца не дочитал, а ты уже ответ выдаешь. Невероятная скорость!

Гу Чжао решил не искать в этих словах подвоха, а просто принял искренний восторг товарища. Сгребая вещи в сумку, он самодовольно усмехнулся:

— Можешь называть меня «маленьким гением арифметики», я не обижусь.

— Ха-ха, точно! Гений арифметики! — подхватил Чжэн Хуэй. Гу Чжао ему нравился всё больше: парень был веселый, прямой и общительный. Самый подходящий характер!

— Идем в книжную лавку, — Гу Чжао закинул сумку на плечо и кивнул второму приятелю: — Янь-сюн, ты с нами?

Янь Цзиньсинь покачал головой — он решил остаться и еще раз повторить пройденное.

— Тогда до завтра.

— До завтра.

По дороге в город Чжэн Хуэй не умолкал, расспрашивая о задачах на «кур и кроликов в одной клетке», которые сегодня разбирали в классе. Гу Чжао терпеливо объяснил решение дважды.

— И впрямь, маленький гений, — восхитился Чжэн Хуэй.

В книжной лавке, видя, что его спутник — завидный покупатель, Гу Чжао с позволения хозяина принялся изучать ассортимент. Его здесь запомнили с прошлого раза. Прислужник, едва завидев его, ткнул в его сторону пальцем:

— О, это же тот бедный...

— Молчать! — оборвал его хозяин лавки. Теперь на Гу Чжао было академическое платье. Тот, кто недавно приходил сюда без титула, за считанные дни стал уважаемым сюцаем.

— Снова здравствуйте, — вежливо поклонился Гу Чжао. — Почтение хозяину и маленькому господину.

— Почтение учёному Гу, — отозвался лавочник. Прислужник лишь молча открыл рот: надо же, этот оборванец и впрямь сдал экзамены! Теперь придется следить за языком.

— Мне нужна бумага, самая простая, — обратился Гу Чжао к работнику.

Тот лишь вздохнул про себя:

«Всё такой же скряга...»

На деле же он услужливо вынес пачку бумаги и спросил, не нужно ли её разрезать.

— Не утруждайтесь, я сам разрежу дома. Пусть пока полежит здесь, я заберу её перед уходом.

Тем временем Чжэн Хуэй увлеченно листал повести. Хозяин лавки, зная его щедрость, наперебой советовал новинку, уверяя, что в столице это — самый ходовой товар. Бестселлер, одним словом. Но Чжэн Хуэй лишь ворчал:

— Не то... Есть что-нибудь поинтереснее?

Пока товарищ выбирал чтиво, Гу Чжао изучал серьезную литературу и вдруг наткнулся в углу на стопку «официальных вестников» округа Нинпин.

«Надо же, и здесь есть пресса!» — удивился он, листая печатные листки.

Это были Дибao, разложенные по датам. Всё, что касалось дел округа: от указов из столицы до местных новостей. В одном из выпусков за прошлую декаду Гу Чжао нашел заметку о внедрении удобрений — власти требовали от старост деревень содействия в их продвижении и так далее. Здесь лежало около десятка таких вестников за последние три года. Они выходили нерегулярно: когда накапливалось достаточно новостей или когда у чиновников доходили до этого руки.

Гу Чжао увлекся чтением. Чжэн Хуэй заглянул ему через плечо:

— И что ты в этих скучных бумагах нашел? — Он снова нырнул в свои книжки.

Спустя полчаса Чжэн Хуэй выбрал-таки роман за один лян серебра, от которого не мог оторваться. Гу Чжао, начитавшись вдоволь, спросил:

— Можно ли взять эти вестники с собой? Сколько это будет стоить?

— Денег не нужно, — вмешался хозяин лавки. — Если учёному Гу интересно — забирайте, прочтете и вернете через пару дней.

Эти листки всё равно были бесплатными и лишь собирали пыль.

Поблагодарив и расплатившись за бумагу, Гу Чжао вместе с товарищем вышел из лавки. Солнце уже клонилось к закату. Чжэн Хуэй горел нетерпением:

— Брат Чжао, я побегу! Увидимся завтра!

Он уже сделал пару шагов, как вдруг вернулся:

— Чуть не забыл! Держи.

Он вытащил из сумки «Сборник стихов Бессмертного Журавля». Гу Чжао взял книгу и сразу почувствовал подвох: уж слишком тяжелой она была.

— Я же говорил — наставник ничего не заметит, — самодовольно подмигнул Чжэн Хуэй.

Гу Чжао открыл книгу и хмыкнул. Под солидной обложкой скрывался тот самый любовный роман, на который Чжэн Хуэй приклеил фальшивый заголовок. Хитрость, старая как мир.

— Понял. До встречи! — Гу Чжао махнул рукой на прощание. — Беги уже к своей книге.

Дома ворота были не заперты. Стоило Гу Чжао переступить порог, как он тут же принялся жалобно звать супруга:

— Чжоучжоу... Душа моя...

Ли Чжоучжоу уже суетился на кухне. Услышав голос, он тут же вышел во двор, невольно расплываясь в улыбке.

— Что случилось, сянгун?

— Ох, Чжоучжоу, руки совсем не держат... — Муж с видом великого страдальца вручил сумку супругу. — Мы сегодня учились стрелять из лука. Лук тяжеленный! У меня все мышцы так затекли, что я даже поднять их не могу.

Гэ'эр не на шутку встревожился:

— Неужто потянул?

— Пройдет, если ты меня поцелуешь, — капризно протянул «раненый».

Ли Чжоучжоу сразу понял, что тот снова дурачится, но всё равно сочувственно завел его в дом:

— Дай-ка посмотрю.

— Сначала поцелуй!

Не в силах спорить, Чжоучжоу поцеловал его в щеку. Гу Чжао тут же просиял:

— Всё, как рукой сняло!

— Сянгун!

Против такого взгляда Ли Чжоучжоу был бессилён. Он всё же закатал рукава мужа — кожа была белой, ни следа травмы.

— Я же говорил, просто устал немного, — Гу Чжао прильнул к нему. — Но если ты и впрямь за меня переживаешь, то пообещай: после ужина сделаешь всё, что я попрошу. Ладно?

Ли Чжоучжоу мгновенно вспыхнул. День еще не угас, до сумерек далеко, а сянгун уже...

— Хорошо... — прошептал он едва слышно.

Гу Чжао осекся. По лицу супруга он понял, что тот истолковал слова по-своему.

«А не перенести ли занятия на завтра?» — мелькнула в голове мысль.

Но он взял себя в руки, а покрасневшийся Чжоучжоу под предлогом того, что ужин подгорает, поспешил на кухню.

Световой день в конце пятого месяца был долгим. Гу Чжао переоделся в домашнее — одну из старых курток своего гэ'эра, открыл окно и выложил на стол подготовленные за неделю тетради: «Маленький учебник для Чжоучжоу» и альбом для прописей. Прописи он сделал на манер детских — с крупными клетками, чтобы супругу было легче обводить знаки.

«Прямо как тетрадки „Мяохун“ для самых маленьких», — с улыбкой вспомнил он.

Еще нашлась старая тетрадь, на чистых оборотах которой можно было тренироваться.

— Сянгун, стол накрыт! — позвал Чжоучжоу.

Гу Чжао потянулся всем телом и вышел. Умывшись свежей водой, он помог супругу отнести тарелки. На ужин были огурцы с яйцом и мясо с луком.

— Вкуснотища!

Не зря он экономил на обедах в академии. Дома они могли позволить себе настоящий пир, а уж готовил Чжоучжоу просто отменно.

— Ешь не торопясь, — ласково сказал тот.

Гу Чжао решил снова подразнить его:

— Нельзя медлить. Скоро совсем стемнеет, я в сумерках и не разгляжу тебя. А ну как промахнусь и коснусь чего-нибудь не того...

— Сянгун! — Ли Чжоучжоу, окончательно смутившись, уткнулся в тарелку.

— А что я такого сказал? — состроил невинную мину муж.

Ужин прошел в веселой перепалке. Гу Чжао подкладывал супругу лучшие кусочки:

— Ешь побольше. Тебе сегодня еще силы понадобятся, потрудиться придется.

Чжоучжоу молча поглощал еду, не смея поднять глаз.

Закончив с посудой, Ли Чжоучжоу поставил на огонь котел с водой — чтобы после «трудов» можно было сразу смыть усталость. Сердце его бешено колотилось, когда он запирал калитку и входил в комнату.

— Темновато становится, — заметил Гу Чжао. — Зажги-ка лампу.

Ли Чжоучжоу замер. Еще и лампу зажигать?.. Но он послушно принес огонь. Муж усадил его за стол и улыбнулся:

— Ну что, начнем?

— А? — Гэ'эр растерянно моргнул. Почему они сидят за столом?

— Помнишь, ты обещал делать сегодня всё, что я скажу?

Уши Чжоучжоу стали пунцовыми. Гу Чжао коснулся его мочки и кашлянул:

— Сегодня наш первый урок в «школе Чжоучжоу» продлится всего полчаса.

— Урок? — Чжоучжоу уставился на него широко открытыми глазами.

Гу Чжао обнял супруга за плечи и поцеловал в лоб.

— Буду учить тебя грамоте. И не вздумай отказываться! Я неделю писал этот учебник... Хороший мой, не губи мои труды!

Ли Чжоучжоу, осознав свою ошибку, готов был провалиться сквозь землю от стыда. Но видя, как муж капризничает, он быстро кивнул.

— Ладно, ладно... Буду учиться.

— Ученик Ли, приступим. Даю тебе выбор: с какого слова начнем? С моего имени «Гу Чжао» или с твоего — «Ли Чжоучжоу»?

— С твоего, — не задумываясь, ответил супруг.

Гу Чжао открыл тетрадь на знаке «Чжао» (𠄎). Сначала он показал, как правильно держать кисть. Когда Чжоучжоу попробовал сам, его рука дрогнула. Гу Чжао встал сзади, накрыл его ладонь своей и повел кисть вместе с ним.

Лишь когда рука привыкла, он позволил ему писать самому. Стоило сянгуну отпустить его, как пальцы Чжоучжоу задрожали, а иероглиф вышел огромным.

— Ничего, это черновик, — успокоил его муж.

Знак «Чжао» занял у него добрых полчаса. Видя, что совсем стемнело, Гу Чжао закрыл тетрадь:

— На сегодня хватит. Ты молодец, завтра выучим фамилию — знак «Гу».

Ли Чжоучжоу отложил кисть. Запястье затекло — кто бы мог подумать, что такая легкая палочка может отнимать столько сил! Он с сочувствием посмотрел на мужа: тот ведь пишет целыми днями...

Перед сном, когда они уже лежали в постели, растирая друг другу уставшие руки, Гу Чжао хотел было почитать супругу тот самый роман, но быстро закрыл его. История была банальнейшей: бедный студент влюбляется в знатную барышню, его избивают слуги злой матушки, а потом он становится чжуаньюанем и всех прощает.

«Если я буду читать это Чжоучжоу, он решит, что я совсем поглупел», — подумал Гу Чжао.

Вместо этого он расспрашивал супруга о домашних делах, а сам хвалился успехами.

— Учителя говорят, я гений. Твой муж — маленький гений арифметики!

Ли Чжоучжоу довольно улыбался:

— Да, ты у меня самый лучший.

Гу Чжао теснее прижался к супругу.

Тот поведал ему о ссоре соседей.

— В деревне-то всё проще было: если дети подрались, родители обругают друг друга — и дело с концом. А тут — тётушка Сюй пришла с извинениями, а госпожу Чжан только больше разозлила. Сдается мне, не от чистого сердца она те булки принесла.

Гу Чжао слушал эти сплетни с интересом. Обняв супруга за талию, он пояснил:

— Тётушка Сюй не извиняться ходила, а Чжанов на место ставить. Завтра к тебе и она заглянет.

Чжоучжоу удивился: почему это всё к нему?

— Мы люди новые, я теперь сюцай. Госпожа Чжан уже «застолбила» место, теперь Сюи не захотят отставать.

— Это я умею, — кивнул Ли Чжоучжоу. — В деревне, когда Син-гэ'эр с Цяо-гэ'эром ссорились, они оба ко мне бежали жаловаться. Я слушал, да только в их дела не совался.

— Вот и молодец. Умница ты у меня.

Рука Гу Чжао на талии супруга медленно поползла выше. Разговоры разговорами, а пора было переходить к обещанному.

Предсказание сбылось на следующее утро. Стоило мужу уйти, как в калитку постучала тётушка Сюй. Она вошла, рассыпаясь в похвалах: и двор-то у Ли Чжоучжоу в идеальном порядке, и огород зеленеет, и загон для кур сработан на славу...

— Цыплят взяли десяток, — пояснил гэ'эр, вынося угощение — жареный арахис. — Один петушок, чтоб мужа по утрам будил.

Тётушка Сюй, женщина полная и с виду весьма добродушная, пригубила чай из кружки с крышкой и ахнула:

— Какая диковина! Сами из деревни привезли? У нас в городе всё из чашек пьют, а тут — глянь-ка, как ладно придумано!

— Муженек мой сам придумал. Говорит, так чай дольше не остывает и пыль в него не летит.

— Ох, сразу видно — ум у учёного Гу по-особому работает! — не скупилась на лесть соседка. Ли Чжоучжоу, хоть и понимал, что за этой улыбкой может скрываться что угодно, радовался похвалам в адрес сянгуня.

Тётушка Сюй принялась просвещать его: рассказала, что за вывоз нечистот в Гранатовом переулке собирают деньги дважды в месяц. Сбор составлял пятнадцать вэней в месяц, но если

оплатить сразу за полгода, то выходило по десять вэней — экономия в целых пять монет ежемесячно.

Чжоучжоу всё мотал на ус. Проводив гостью, он принялся подсчитывать расходы. На продукты уходило по восемь вэней в день. Мясо в городе дорогое — тринадцать вэней за цзинь. Даже если готовить его впрок, в горшочках, да прибавить траты на зубной порошок, уголь, а теперь еще и на вывоз нечистот...

В месяц выходило триста вэней только на самое необходимое. А ведь еще нужны деньги на карманные расходы мужу, на бумагу, на тушь... Всего — почти лян серебра в месяц! И это не считая аренды дома.

Ли Чжоучжоу стало тревожно. Нельзя было просто сидеть сложа руки.

Из соседних лавок доносились крики торговцев баоцзы. Гранатовый переулок выходил на оживленную улицу. Чжоучжоу присмотрелся: то и дело кто-нибудь заходил к Сюям с пустой миской, а выходил с горой горячих булочек.

Мясные баоцзы — по три вэня, постные — по два, маньтоу — по одному. Даже если в день зайдет полсотни человек да возьмет на семью по пять штук — это же почти полвязки монет в день...

Глаза Ли Чжоучжоу загорелись. Он посмотрел на ту часть их дома, что выходила окнами прямо на улицу.

«Землю я теперь не пашу, по дому дел не так много... Почему бы и мне не открыть какое-нибудь дело? Сянгун говорил: торговля по мелочи — не позор для ученого».

Но что же именно ему продавать?

<http://bllate.org/book/15349/1427953>